

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве	140
П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы</i>	149
<i>Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской</i>	156
<i>В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)</i>	163
<i>В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента</i>	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль</i>	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии</i>	185
<i>Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра</i>	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу</i>	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири</i>	205
<i>Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле</i>	212
<i>В. А. Алёшкин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)</i>	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву</i>	227
<i>А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге</i>	240
<i>Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма</i>	264
<i>В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)</i>	270
<i>С. В. Белецкий. Известные фотографии Пскова 1946 года</i>	280
<i>Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)</i>	285
<i>О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)</i>	294
<i>В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.</i>	300
<i>В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.</i>	303
<i>А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)</i>	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).</i> Scientific research activities and the documentary heritage	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva</i>	149
<i>G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya</i>	156
<i>V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)</i>	163
<i>V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent</i>	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul</i>	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology</i>	185
<i>E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker</i>	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations..." A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz</i>	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia</i>	205
<i>E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland</i>	212
<i>V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)</i>	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev</i>	227
<i>A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg</i>	240
<i>N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards</i>	264
<i>V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)</i>	270
<i>S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946</i>	280
<i>N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)</i>	285
<i>O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)</i>	294
<i>V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783</i>	300
<i>V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s</i>	303
<i>A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)</i>	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

М. Е. Килуновская¹

Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы

Ключевые слова: Тува, классификация, курган, монгун-тайгинская культура, типология, погребальный обряд.

Keywords: Tuva, classification, mound, Mongun-Tayga culture, typology, funeral rite.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-86-95

Галина Вацлавна Длужневская была моим первым научным руководителем в университете, и она мне предложила тему для первой курсовой работы «Памятники монгун-тайгинского типа в Туве», предупредив о сложности и неразработанности этой проблемы. Я принялась за работу с энтузиазмом, составила картотеку раскопанных памятников по архивным и литературным источникам. За основу своей работы я взяла, конечно, идеи А. Д. Грача, который выделил четыре варианта памятников, разбив их на группы и придав значение главным образом различиям в конструкции наземных сооружений и устройстве захоронений (Грач, 1971. С. 94–96). Прийти к каким-то новым, по сравнению с работой А. Д. Грача, выводам тогда я не смогла. На следующий год я увлеклась изучением скифского искусства и весь накопленный «багаж знаний» передала К. В. Чугунову, который с большим умением и знаниями исследовал монгун-тайгинскую тему.

Далее Вл. А. Семенов и К. В. Чугунов выделили четыре группы погребений монгун-тайгинского типа, последовательно сменявших друг друга, и впервые предложили термин «монгун-тайгинская культура» (Семенов, Чугунов, 1987. С. 73–76). Через несколько лет К. В. Чугунов опубликовал «программную» статью по монгун-тайгинской культуре, в которой предложил новую типологию и периодизацию (Чугунов, 1994. С. 43–53). В отличие от А. Д. Грача основу его типологии составили устройство погребальных камер, положение и ориентировка погребенных, но без учета конструкции наземных сооружений. Кроме того, на позднем этапе монгун-тайгинской культуры К. В. Чугунов отметил влияние культуры херексуров и связанной с ней бегазы-дандыбаевской культурной общности, охватывающее Казахстан, Туву и Монголию. В процесс влияний была включена и Минусинская котловина, где на каменноложском этапе про-

слеживается влияние монгун-тайгинской культуры (Чугунов, 2002. С. 142–149; 2009. С. 347–349).

О генетической связи монгун-тайгинских памятников и херексуров писал и Д. Г. Савинов, включая их в существовавшую на севере Центральной Азии общность европеоидного населения с устойчивой культурной традицией в области создания погребальных сооружений. По его мнению, традиция нашла свое отражение и в культурах раннескифского времени (Савинов, 2002. С. 22).

Все эти построения в настоящее время большей частью подтверждаются, но открываются и новые перспективы в изучении культур позднего бронзового века и предскифского времени Центральной Азии и Южной Сибири. В ходе работ по трассе строящейся железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино и ГОК «Элегест» было исследовано большое количество памятников монгун-тайгинской культуры, которые существенно пополнили базу источников и позволили по-новому взглянуть на проблемы формирования ее погребальной традиции.

Самое большое количество памятников было раскопано в долине р. Ээрбек — непересыхающего правобережного притока Енисея. Захоронения монгун-тайгинской культуры сосредоточены на могильниках Ээрбек 2 и Бай-Даг 6 (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199–210). Интересно, что в тех частях, где речная долина покрыта лесом, их нет.

На **могильнике Ээрбек 2** исследовано шесть объектов: два кургана монгун-тайгинского типа, представляющие собой круглые наземные сооружения, сложенные по принципу ложного свода и окруженные кольцом-крепидой из крупных камней; два кургана алды-бельской культуры с захоронениями в каменных ящиках в слегка заглубленных ямах; две ритуально-поминальные выкладки. Курганы располагались попарно: курган № 1 — монгун-тайгинский и курган № 2 — алды-бельский; еще одна пара находилась в 200 м ниже по течению реки: курган № 3 — алды-бельский и курган № 4 — монгун-тайгинский.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kilunmar@mail.ru.

В курганах алды-бельской культуры под наземными сооружениями были обнаружены «клады» конского снаряжения — бронзовые удила. Погребения в каменных ящиках были разграблены, в них найдены: наконечники стрел из кости и бронзы; бронзовый нож с более характерным для тагарской культуры кольчатым навершием; бронзовые поясные обоймы; костяная закладка; пастовые и каменные бусы и др.

Курганы № 1 и 4 — монгун-тайгинского типа — представляли собой наземные сооружения, сложенные из крупных и средних плит (размером до 1,6 м), покрытые мелким плитняком и окруженные кольцом-оградой диаметрами 16 и 15 м из крупных плит и валунов, уложенных плашмя. Само наземное сооружение было окружено крепидой, сложенной из вертикально установленных и слегка наклоненных к центру кургана плит, образующих чешуйчатую кладку (до 10 рядов плит). Размер плит — до 0,8 м, а угол наклона — от 30 до 75° от горизонтали. Опорой для кольца по внутреннему диаметру служили горизонтально уложенные плиты длиной до 1,6 м. Внутренний диаметр кольца — 6 м, наружный — 11 м. Внутри кольца до самого погребения пространство было выложено камнями, образуя платформу. В центре находилась циста овальной формы с внутренними размерами, соответственно, 1,7 × 0,9 и 2,2 × 1,0 м. Она была сложена в один-два ряда из плит среднего размера и ориентирована длинной осью на СЗ—СВ. В кургане № 1 в цисте обнаружено разрушенное погребение ребенка 6–7 лет. Судя по сохранившимся на месте частям скелета (часть ребер и бедренные кости), ребенок был помещен в могилу в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на запад. В кургане № 2 обнаружены разрозненные кости взрослого человека. В потревоженном положении сохранилась только часть позвоночного столба, кости левой руки и берцовые. Череп отсутствовал. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки были протянуты вдоль тела. Захоронения совершены на уровне древней дневной поверхности, непосредственно под которой находится материк — речная галька. Каких-либо нахождений в цистах не обнаружено.

Могильник Бай-Даг 6 располагался на неширокой надпойменной террасе на выходе реки Эрбек из теснины (рис. 1). Здесь исследовано 20 объектов: 14 — монгун-тайгинской культуры, пять — алды-бельской культуры (№ 3, 6, 15–17) и два — эпохи средневековья (№ 8 и 14) (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199–205; Килуновская и др., 2015. С. 193–200). Все монгун-тайгинские курганы располагались ближе к склону горы, некоторые из них были перекрыты оползнями, алды-бельские — на

краю террасы. С курганами, исследованными на могильнике Эрбек 2, здесь сопоставим объект № 20. К нему с востока вплотную примыкал курган алды-бельской культуры (№ 17), исследованный в 2011 г. Саянской экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством Ю. С. Худякова.

Курган № 20 был буквально откопан из-под метровой толщи песчаного конуса выноса из межгорной долины. Он представлял собой сложное архитектурное сооружение, последовательность возведения которого нам удалось проследить. Сначала из крупных камней было выложено кольцо диаметром 17 м. Внутри него на уровне древней дневной поверхности сооружена погребальная камера-циста из больших камней, уложенных горизонтально в 4–5 рядов, ориентированная длинной осью по линии СЗ—ЮВ. Она сложена по принципу ложного свода. Цисту перекрывали массивные блоки в несколько слоев, вокруг уложены камни, облицованные вертикально поставленными огромными глыбами высотой около 1 м. Сверху были набросаны обломки скал. Диаметр центрального могильного сооружения составлял около 10 м. Пространство между центральным сооружением и кольцом-оградой не было выложено камнями, то есть, в отличие от курганов на могильнике Эрбек 2, платформы здесь не было. Размеры цисты: внешние — 4,6 × 3 м, внутренние — 2,7 × 1,4 м. Внутри находилось сильно потревоженное погребение мужчины 25–35 лет. Вокруг всего сооружения, на некотором расстоянии от кольца-ограды, было зафиксировано восемь небольших выкладок округлой формы, содержавших кости животных и угли — остатки поминальных действий. Примерно на равном расстоянии от кольца-ограды по направлениям СВ, СЗ, ЮВ и ЮЗ, образуя углы условного квадрата вокруг кольца-ограды, располагались обложенные по кругу камнями четыре кострища (диаметром около 1,5 м), содержащие кости сожженных животных. По наличию поминальных сооружений вокруг кургана, камеры цисты на поверхности, кольца-ограды, расположенного на некотором расстоянии от центрального сооружения, этот курган сопоставим с херексуром.

Другие объекты монгун-тайгинского типа на могильнике Бай-Даг 6 имеют меньшие размеры и иную конструкцию. Можно выделить несколько типов памятников. В курганах № 5, 12, 13 и 18 выявлены кольцевые ограды из уложенных плашмя в один ряд обломков скальной породы диаметрами, соответственно, 10,3, 8, 5,5 и 7 м. Внутри оград зафиксированы наземные сооружения, окруженные кольцом-крепидой из крупных обломков скал в один слой

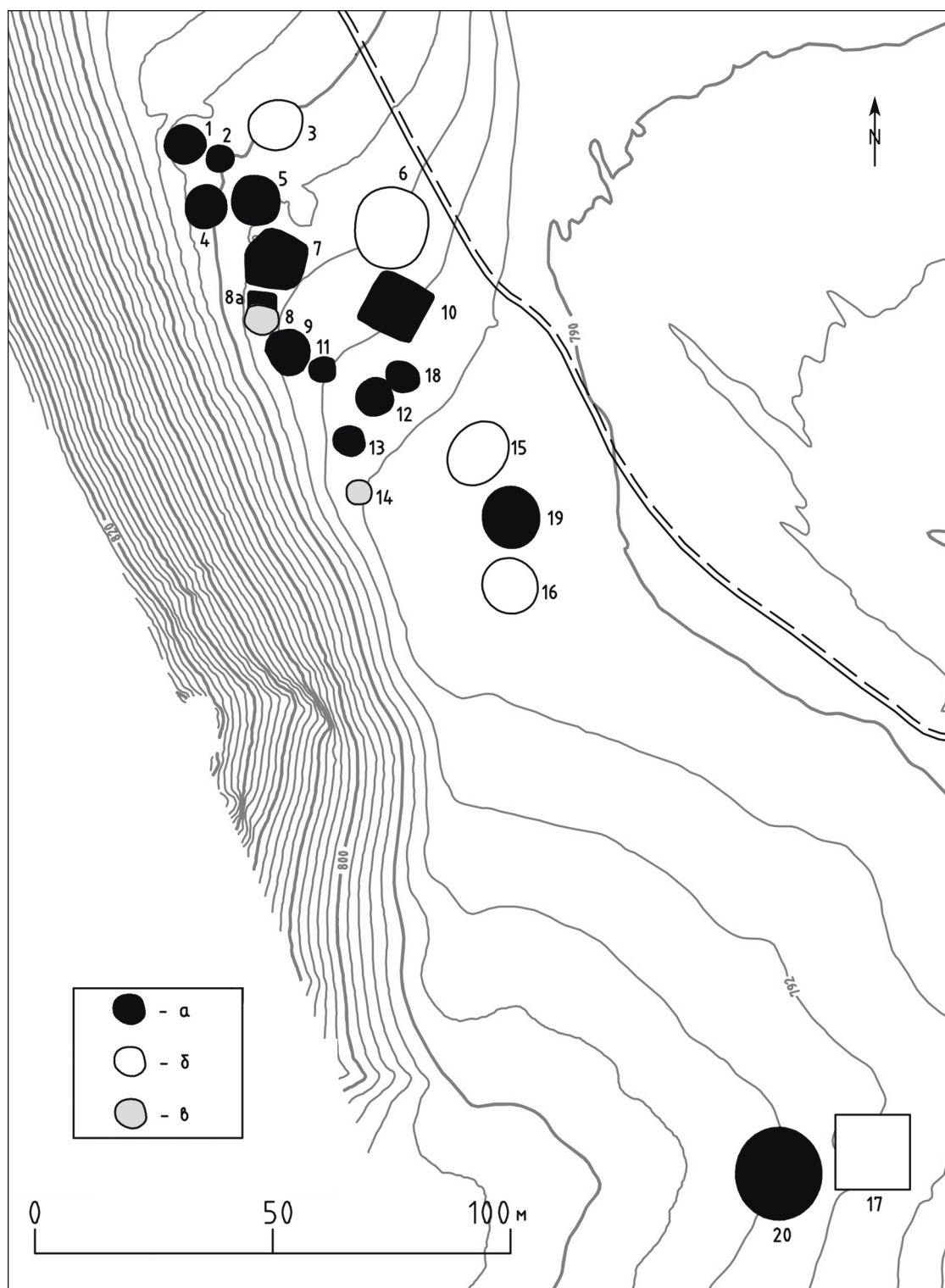

Рис. 1. План могильника Бай-Даг 6, Тува. Условные обозначения: а — курганы монгун-тайгинской культуры; б — курганы алды-бельской культуры; в — средневековые курганы.

Fig. 1. Plan of the Bay-Dag 6, Tuva. Symbols: а — mounds of Mongun-Tayga culture; б — mounds of Alda-Belsky culture; в — medieval mounds.

(диаметры, соответственно, 8, 5, 4 и 5,2 м), в центре которых располагались ладьевидной формы цисты из камней, уложенных на уровне древней дневной поверхности в один ряд (внутренние размеры, соответственно, $2,2 \times 0,8$, $1,8 \times 0,8$, $1,4 \times 0,7$ и $1,2 \times 0,6$ м). Цисты ориентированы длинной осью по линии З–В. Фрагментированные скелеты погребенных свидетельствуют о том, что они были уложены в вытянутом положении головой на запад. Перекрытий не прослеживается.

В кургане № 5 около северной стенки цисты найден скребок из сланца. В кургане № 12 с юго-восточной стороны на уровне погребенной почвы было выявлено пятно прокала диаметром около 30 см, содержащее незначительное количество углей. Там же была обнаружена галька со следами использования. Под камнями развала, за пределами ограды с ЮЮВ, обнаружена таранная кость лошади (бабка), с ССВ — половина нижней челюсти лошади. В этом объекте под камнями сооружения были зафиксированы пятна прокала, которые свидетельствуют о том, что на этом месте до погребения был разведен костер. На востоке лежала громадная каменная глыба, к которой, видимо, была пристроена циста, а затем и наземное сооружение кургана. Вероятно, эта глыба скатилась со склонов горы, у подножия которой находился объект № 12, и вокруг нее был сделан курган. Циста длинной осью ориентирована по линии С–Ю.

В кургане № 4 было выявлено наружное каменное кольцо-ограда диаметром 6,5 м, со входом с востока, в центре кольца находилась каменная циста. Особенностью этого сооружения является то, что циста была поставлена на дополнительную кольцевую выкладку овальной формы, располагавшуюся в середине наземного сооружения. Выкладка была сооружена раньше цисты из крупных обломков скал, уложенных в один ряд, и ориентирована длинной осью по направлению З–В. Ее размеры $4,0 \times 2,5$ м. Возможно, овальная выкладка имела те же функции, что и циста, то есть предназначалась для погребения, но по каким-то причинам не была использована. Поверх нее была сооружена основная циста, то есть каменное сооружение с погребением внутри. Размеры верхней цисты по внешнему краю $3,2 \times 1,6$ м, внутренние размеры цисты $1,9 \times 0,6$ м. Она была вытянута длинной осью по направлению СЗ–ЮВ. Циста была сооружена из плитняка (в юго-восточной части прослеживается до четырех слоев). Остатки захоронения внутри цисты представляли собой фрагменты двух длинных костей

без эпифизов, лежавшие параллельно друг другу в средней части могилы, и двух неопределимых фрагментов. Тем не менее можно предполагать, что погребенный был уложен головой на СЗ.

В кургане № 7 ограда имела подквадратную форму ($10 \times 9,2$ м), внутри которой находилось кольцо-крепида (диаметр около 7 м). В центре внутреннего кольца была сооружена циста овальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, из уложенных плашмя крупных камней. Ее размеры: наружные — $2,9 \times 1,8$ м, внутренние — $1,8 \times 1$ м. В юго-восточной части цисты сохранились длинные кости ног погребенного, по которым можно предположить, что он лежал головой на СЗ в вытянутом положении.

Курган № 8а — подквадратная выкладка ($4,6 \times 4,6$ м), ограниченная по краю крупными камнями и тщательно забутованная в несколько слоев мелкими обломками скальной породы белого цвета. В центре зафиксирована небольшая, подпрямоугольной формы циста (размерами $1,6 \times 0,9$ м) из крупных, поставленных вертикально плит, ориентированная по линии З–В и перекрытая двумя мощными плитами, внутри которой не было обнаружено остатков погребения.

Все эти курганы можно отнести ко второму типу памятников монгун-тайгинской культуры (МТТ II, по типологии К. В. Чугунова), что хронологически приходится на поздний бронзовый век (Чугунов, 1994. С. 51). Наши исследования подтверждают это заключение.

В основании курганов № 1, 9 и 10 сооружены кольца-крепиды из крупных обломков скал: в двух курганах округлые (диаметрами 6,1 м и 6,5 м), в кургане № 10 — подпрямоугольное, размерами $12,5 \times 11,7$ м. Внутри них установлены погребальные камеры из очень крупных вертикально поставленных глыб, ориентированные длинной осью по направлению СЗ–ЮВ. Размеры камер, соответственно, $1,6 \times 0,6$, $2,9 \times 1,8$ и $3,4 \times 2,65$ м. Внутри камер сохранились останки погребенных, уложенных на бок в скорченной позе, головой на СЗ, то есть по обряду, характерному для скифских культур Тувы. Вокруг курганов также зафиксированы внешние кольца диаметрами, соответственно, 9,2, 8 и 8,5 м. В кургане № 1 череп мужчины 40 лет был преднамеренно отчленен от скелета и помещен в восточном углу. В кургане № 9 найден выплеск бронзы, фрагменты керамики и зуб лошади, а в кургане № 10 — фрагмент сосуда с орнаментированным валиком под венчиком. Данные памятники относятся ко времени кургана Аржан-1, а именно к памятникам шанчигского

типа, т. е. к периоду формирования культур скифского типа, IX–VIII вв. до н. э. (Чугунов, 1992. С. 78–79; 1994. С. 51; 2009. С. 347–349). Возможно, к этому времени относится и курган-херексур № 20. Разные размеры и конструкции погребальных сооружений могут демонстрировать социальную иерархию или отличия в их ритуальном назначении.

Курган № 19 обнаружен при расчистке межкурганного пространства между алды-бельскими курганами № 15 и 16. Он представлял собой каменное кольцо (размерами 9,83 × 9,31 м) из плит и валунов, с небольшим разрывом с северо-западной стороны. Внутри кольца и снаружи на расстоянии до 2 м практически в один слой были плотно уложены средние и очень мелкие камни, образовавшие своеобразную платформу. С западной стороны к объекту примыкала овальная в плане выкладка длиной 1,2 м. Видимо, это сооружение являлось разрушенным курганом монгун-тайгинского времени, а несколько крупных камней внутри кольца и два скопления костей человека (плохой сохранности) относились к уничтоженному погребению в цисте.

В обоих рассмотренных могильниках памятники алды-бельской и монгун-тайгинской культур сосуществуют. Возможно, здесь идет речь о преемственности культур, а не об их резкой смене и «завоевании территорий», как писал А. Д. Грач, основываясь на перекрывании насыпей на могильнике Куйлут-Хем I (Грач, 1980. С. 61, 93). Для алды-бельской культуры характерно пристраивание одного кургана к другому, причем одна насыпь перекрывает другую. Подобная традиция, в случае перекрывания монгун-тайгинских курганов алды-бельскими, может свидетельствовать о том, что строители последних воспринимали монгун-тайгинские погребения как могилы своих близких предков или соплеменников.

На могильниках Красные Горки (далее — КГ) на левом берегу Енисея, в урочище Бай-Булун, курганы монгун-тайгинской культуры преобладали. В 2015 г. здесь было раскопано 22 объекта, которые различались по конструкции наземного сооружения и погребальной камеры (рис. 2). К этой культуре на могильнике Красная Горка 2 (далее — КГ2) относится цепочка из четырех курганов (КГ2–№ 5, КГ2–№ 6, КГ2–№ 8 и КГ2–№ 10), вытянутая по линии СЗ–ЮВ; а на могильнике Красная Горка 3 (далее — КГ3) — курганы КГ3–№ 4, КГ3–№ 14 и КГ3–№ 16. Выделяются несколько типов курганов монгун-тайгинской культуры.

Tun I — циста, сложенная в 2–4 слоя из колотых плит и обложенная поставленными вертикально или под углом к ней крупными плитами в несколько рядов. Между слоями этой крепиды были положены крупные каменные блоки и средние обломки скал. На полученную поверхность были набросаны обломки скальной породы для придания всему сооружению определенной высоты. Циста была перекрыта плитами разных размеров, которые в большинстве случаев оказались сдвинутыми при ограблении. Вокруг центрального сооружения кургана была устроена ограда из плит, уложенных в один-четыре слоя. Пространство между оградой и центральным сооружением заполнено уложенными плашмя камнями (нижний ряд более или менее регулярно, а сверху навалены разноразмерные обломки скал), которые образуют своеобразную платформу.

В кургане КГ3–№ 16 ограда имела подквадратную форму, ориентированную сторонами по странам света, а по ее углам были установлены более крупные обломки скальной породы. В кургане КГ2–№ 5 в цисте сохранился скелет мужчины 35–40 лет, который был уложен в вытянутом положении на левом боку, головой на СЗ, в кургане КГ3–№ 16 — скелет женщины 25–35 лет, уложенной вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. В остальных объектах погребения были нарушены, но по зафиксированным *in situ* костям устанавливается вытянутое положение погребенных, уложенных головой на СЗ (с небольшим отклонением к З). Размеры внешней ограды курганов, соответственно, 16, 6, 13, 9,5, 12 и 13 м, а у кургана № 16 — 12,5 × 12,5 м. Диаметры центрального сооружения от 1,5 до 10 м, а высота от 0,30 до 1,2 м. Этот же тип курганов был зафиксирован на могильнике Ээрбек 2.

К *tun II* относятся курганы КГ2–№ 1 и КГ3–№ 20, которые представляли собой самые крупные объекты. Центральное сооружение аналогично курганам первого типа, но отличается масштабностью и конструктивными решениями: плиты крепиды более массивные (до 2 м в длину) и уложены в 12–14 слоев, циста сложена в 5–8 горизонтальных рядов плит, положенных по принципу ложного свода. Циста имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Внутри находились останки нескольких человек. Высота центрального сооружения в этих курганах достигала, соответственно, 1,9 и 2,2 м, а диаметры — 13 и 16 м. На расстоянии 10 м от края насыпи находилось кольцо-ограда диаметром 30 м, сооруженное из крупных плит, уложенных в один-два ряда, при этом на кургане КГ2–№ 1 его ширина достигала 1,3 м.

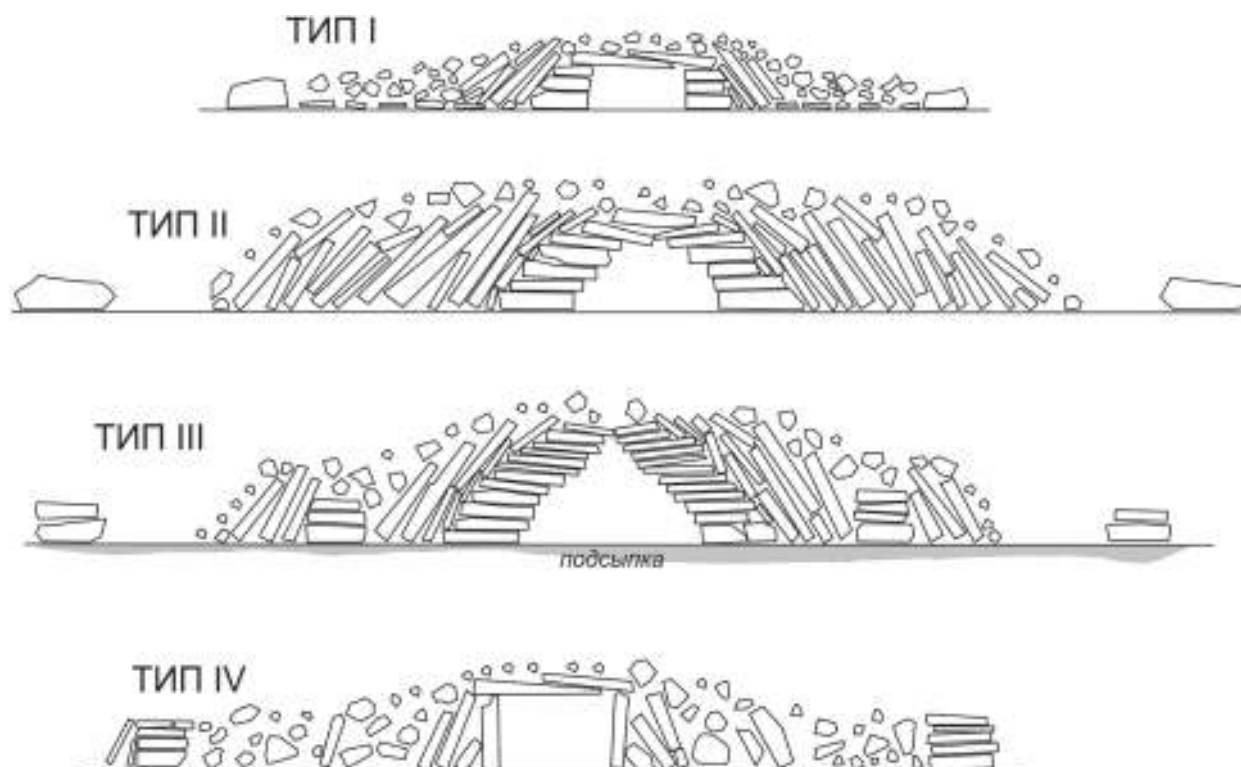

Рис. 2. Типология погребальных сооружений монгун-тайгинской культуры с цистами на уровне древней дневной поверхности (по материалам могильников Красная Горка 2 и Красная Горка 3, левый берег Енисея, Тува).

Fig. 2. Types of funerary installations of the Mongun-Tayga culture with cists in the ancient land surface (according to the materials of burial grounds of Krasnaya Gorka 2 and Krasnaya Gorka 3, the left Bank of the Yenisei river, Tuva).

От кургана КГЗ–№ 20 к востоку шла каменная вымостка-«луч», а в цисте была обнаружена бронзовая каплевидная подвеска².

Тип III представлен на могильнике КГЗ — курганы КГЗ–№ 8, КГЗ–№ 10 и КГЗ–№ 11. Они отличаются тем, что вертикальные камни крепились опирались на стенку из уложенных горизонтально плит. Ниже прослежены еще несколько рядов вертикальных камней, которые непосредственно примыкали к цисте, то есть были зафиксированы три стены из горизонтально уложенных плит — ограда, опорная стенка под внешней крепидой и стенки цисты. Циста представляет собой сооружение округлой формы с использованием неполного ложного свода из 10–12 рядов плит. Основание цисты имело ладьевидные очертания и было ориентировано длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Пространство между центральным сооружением и оградой оставлялось свободным, но в курганах КГЗ–№ 8 и КГЗ–№ 11 с востока от центрального сооружения к внешней ограде шла выкладка из уложенных в один ряд обломков скальной

породы шириной более 1 м, напоминающая «лучи» в херексурах. В кургане КГЗ–№ 11 на этом «луче» был установлен каменный «треугольник» — миниатюрное сооружение из трех установленных вертикально плиток, в плане напоминающее треугольник. Такие же каменные «треугольники» найдены между оградой и насыпью, а также за пределами кольца-ограды (каменные «треугольники» зафиксированы практически на всех объектах монгун-тайгинского и раннескифского времени в могильниках Красные Горки). В кургане КГЗ–№ 10 ограда имела подпрямоугольную форму с размерами 16,2 × 15,8 м и была ориентирована углами по странам света с небольшим смещением. Диаметр оград курганов КГЗ–№ 8 и КГЗ–№ 11 — 20 и 17 м, соответственно, центральных сооружений — 12,5 и 9 м. В кургане КГЗ–№ 10 центральное сооружение достигало 10 м при высоте около 1 м.

В этих курганах был зафиксированы интересные детали погребального обряда: во всех цистах обнаружены разрозненные кости взрослого человека и ребенка, а также кости животных (остатки мясных частей туш), а в кургане КГЗ–№ 8 — костяной наконечник стрелы.

² Раскопки Н. А. Боковенко.

По сохранившимся *in situ* костям в кургане КГЗ–№ 10 можно предположить, что погребенный взрослый был уложен головой на ЗСЗ, в вытянутом положении на левом боку, но ноги были слегка подогнуты.

Древняя дневная поверхность под центральным склепом в курганах КГЗ–№ 10 и КГЗ–№ 11, а также КГЗ–№ 20 и КГЗ–№ 1 выравнивалась с помощью подсыпки из супеси (такой прием использовался и при сооружении курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине, где вокруг погребальной камеры создавалась платформа из глины, например, Аржан-2 и Кош-Пей).

Tun IV представлен курганами КГЗ–№ 12 и КГЗ–№ 21. В кургане КГЗ–№ 12 ограда представляла собой стенку из плит, уложенных в 4–6 слоев. В некоторых местах она подпиралась наклонно поставленными крупными длинными камнями. Внутри ограды находились обломки скальной породы разной величины. В центральной части сооружения прослежены вертикально установленные пять плит, составлявших конструкцию погребальной камеры типа ящика или склепа, которые опирались на положенные в несколько рядов крупные и средние обломки скальной породы. Ящик был ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ и имел размеры 1,45 × 0,95 м. Перекрытие отсутствовало, внутри находились разрозненные кости мужчины 30–35 лет. Восстанавливается поза погребенного, уложенного в скорченном положении головой на запад. Диаметр центрального сооружения — 8 м при высоте в 0,5 м. Курган КГЗ–№ 21 имел аналогичную конструкцию, но меньшие размеры.

Описанные сооружения монгун-тайгинских курганов соответствуют шанчигскому типу (Чугунов, 1994. С. 52) и относятся к раннескифскому времени. Для первых трех вышеописанных типов сооружений характерен принцип куполообразного высокого кургана, для чего использовалась конструкция ложного свода в центральном сооружении, высота которого увеличивалась еще дополнительной каменной наброской. Четвертый тип — это плоская насыпь, имеющая одинаковую высоту по всей площади и окруженная стеной из плоско уложенных плит. Такая цилиндрическая форма курганного сооружения характерна для курганов Аржан-1 и Аржан-2.

Наибольшее соответствие раннескифским памятникам прослеживается в конструкции курганов КГЗ–№ 7 и КГЗ–№ 2. В них центральное сооружение окружено стенкой из плит, уложенных в 4–5 слоев, а внутреннее пространство беспорядочно заполнено обломками

скальной породы разной величины. Все вместе образует плоскую платформу высотой около 0,5–0,7 м. Нужно отметить, что стенки курганов были выложены с особой тщательностью по внешнему фасаду. В кургане КГЗ–№ 7 центральное сооружение имело диаметр 10,5 м, на расстоянии 4 м его окружало кольцо-ограда диаметром 18,5 м. Между оградой и курганом с СЗ, ЮЗ и СВ прослеживались выкладки, напоминающие «лучи» херексура. В кургане КГЗ–№ 2 в заполнении конструкции найдены большие глыбы камня, разделяющие пространство на сектора, которые впоследствии были заполнены обломками скальной породы. К сожалению, в центральной части оба кургана были полностью разрушены и следов захоронения не обнаружено.

Ближайшая аналогия рассмотренным конструкциям — курган КГЗ–№ 2, который может быть отнесен к памятникам аржанского круга. Его отличают: хорошо сложенная внешняя стена с небольшими контрфорсами; внутри которой находились вертикально поставленные плиты, разделяющие пространство на отсеки; в центре располагалась внутренняя стена, сделанная уже не так тщательно и окружающая захоронение в неглубокой яме, на краю которой, с запада, лежал оленный камень. В яме был захоронен мужчина, уложенный головой на запад в скорченном положении, характерном для погребальной традиции алды-бельской культуры.

Таким образом, на могильниках Красные Горки прослеживается процесс формирования погребальных конструкций раннескифского времени. В курганах, которые больше всего соотносятся с херексурами (тип III), появляется горизонтальная многослойная стенка, которая первоначально существовала как опора крепиды, а затем стала самостоятельным архитектурным элементом, представляющим собой внешний фасад наземного сооружения кургана.

Важным открытием 2015 г. было обнаружение под курганами монгун-тайгинского типа на могильнике Красная Горка 3 более ранних сооружений эпохи бронзы — это объекты КГЗ–№ 5, КГЗ–№ 18, КГЗ–№ 22–25, КГЗ–№ 28 и КГЗ–№ 30. При разведке, проведенной здесь до раскопок, они не фиксировались визуально на уровне современной дневной поверхности.

Эти объекты представляли собой конструкции прямоугольной формы из поставленных вертикально небольших плит, заполненные кальцинированными костями и золой. Ритуальный характер их очевиден.

Следы прокала под слоем кальцинированных костей и золы фиксировались очень незначительные, что говорит о том, что в одних случаях костры могли разжигаться внутри оград, а в других — разводиться на стороне. По определению палеозоолога А. А. Каспарова, сжигались только мясные части туш, в основном овцы или козы. При этом, например, в оградке КГЗ-№ 25 были обнаружены остатки не менее 30 особей, что является свидетельством масштабного пира, в котором могло принимать участие до 150 человек.

Размеры лучше сохранившихся выкладок КГЗ-№ 22, КГЗ-№ 23 и КГЗ-№ 25 составили, соответственно, $2,7 \times 7$, $2,5 \times 7$ и $3,5 \times 10,5$ м. Высота камней и плит — 0,20–0,30 м. Скорее всего, плиты и камни облицовывали изнутри котлован глубиной 0,15–0,20 м. Ориентированы оградки были длинной стороной по линии З–В. К сооружениям с востока ведут цепочки из вертикально установленных плит. В объекте КГЗ-№ 30 длина цепочки из 114 камней достигала 80 м. Камни были установлены примерно через равные промежутки в 0,3–0,4 м. Оградка КГЗ-№ 30 имела размеры $1,5 \times 1,5$ м при высоте 0,2–0,3 м и была полностью заполнена кальцинированными костями и золой.

В исследованных оградках нет датирующих артефактов, но по своей конструкции они сопоставимы с сооружением, интерпретируемым в качестве святилища, которое было раскопано в том же 2015 г. на могильнике Красная Горка 15 И. П. Лазаретовым, а также с другими ритуальными сооружениями, известными в Туве, Монголии и на Алтае, относящимися к эпохе бронзы — концу III–II тыс. до н. э.

В этой связи особый интерес представляет захоронение синхронного времени, открытое в кургане КГЗ-№ 17³. Здесь в яме глубиной 0,8 м и размерами $1,8 \times 1,6$ м, ориентированной длинной осью по линии З–В, зафиксированы останки человека, подвергшиеся вторичному погребению (захоронение в «мешке»). Скелет сохранился практически полностью, но был уложен отдельными частями (кости в сочленениях): в западной части могильной ямы находился череп, ниже которого лежали кости голеней и далее к западу другие части скелета. На костях отмечены следы красной краски. Среди вещей, обнаруженных в могиле, следует отметить 12 каменных «пуговиц» разного диаметра и семь мелких каменных нашивок с перемычкой. Аналогичные «пуговицы» были найдены Н. А. Боковенко на могильнике Маральское-4 в долине р. Иджим и О. А. Митько в оградке в долине р. Ус,

которые авторы раскопок датируют III тыс. до н. э. (Митько, 2006. С. 283–291, рис. 6).

В основании подпорной стенки цисты на кургане КГЗ-№ 10 были расчищены остатки более раннего сооружения, представляющего собой округлую оградку диаметром 2 м из вертикально вкопанных камней, окруженную со всех сторон вертикально вкопанными плитками. Находок в ней не было, кроме двух невыразительных фрагментов керамики.

Кроме раскопок в Эрбекской долине и Бай-Булунской степи, подобные объекты исследовались на могильниках Куйлут-Хем и Суме-Беш в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (Килуновская и др., 2010. С. 189–198) и Кун-Саир в Эрзинском районе Тувы. Здесь представлены захоронения в высоких цистах ладьевидной формы из валунов, перекрытых большими плитами, ориентированных длинной осью по линии З–В. Вокруг цист сооружался холм из крупных валунов, а затем возводилась платформа, окруженная кольцом-крепидой из крупных камней (диаметр около 20 м). На могильнике Кун-Саир в цисте, под перекрытием из гигантских каменных блоков, был захоронен мужчина высокого роста (возраст 40–45 лет, рост более 180 см) с патологическими изменениями скелета. Он был уложен на живот, головой на запад, с чуть согнутыми ногами. Интересно, что сразу после погребения у умершего была изъята левая лопатка. Это свидетельствует об особом статусе погребенного. В центральном захоронении сопроводительного инвентаря не было, зато в пристройке к западу от кургана, в каменном ящике с останками ребенка, была найдена бронзовая обойма, что позволяет отнести весь комплекс ко времени кургана Аржан-1.

За последнее десятилетие корпус памятников монгун-тайгинской культуры увеличился настолько, что стало возможным вновь обратиться к проблеме ее внутренней хронологии и типологии погребальных сооружений. Как мы видим, для построения классификации памятников важно учитывать не только устройство погребальной камеры и позу погребенного, но и конструкцию всего наземного сооружения, имеющего довольно сложную архитектуру. Выделенные нами четыре типа курганов с захоронениями в многослойных цистах взаимосвязаны. Большие курганы КГ2-№ 1 и КГЗ-№ 20 имеют устройство погребального сооружения первого типа, но они окружены отстоящими на некотором расстоянии каменными кольцами, в то время как в первом типе присутствует платформа. Для курганов третьего типа характерен разрыв между кольцом и центральным сооружением, ложный свод

³ Раскопки Н. А. Лазаревской.

над цистой и крепида из вертикальных камней, но появляется дополнительная опорная внутренняя стенка. Этот тип наиболее близок к курганам-херексурам, тем более что присутствуют и дорожки-лучи между кольцом и насыпью. Одновременность такого типа погребальных сооружений с херексурами подтверждается и исследованиями А. А. Ковалева в Монголии, где полученные радиоуглеродные даты для аналогичных памятников подтверждают их предскифский возраст (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 83–84).

Для выделенных нами типов I–III характерна куполообразная форма наземного сооружения. В типе IV прослеживается цилиндрическая форма насыпи, окруженной стенкой из горизонтально выложенных рядов плит, но еще сохраняется крепида из вертикальных камней, которая поддерживает местами эту стенку. Здесь уже появляются захоронения в каменных ящиках, но стенки этих ящиков укреплены камнями, как это делалось при строительстве цист. Такие памятники уже можно соотнести со временем кургана Аржан-1. На основании наших наблюдений можно построить линию генетической преемственности памятников позднего бронзового века и раннескифского времени.

Литература

- Грач, 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.
- Килуновская, Семенов, 2013 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2013. № 3.
- Килуновская и др., 2010 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Кальная О. И., Аюнова О. Д. Влияние разрушения береговой линии Саяно-Шушенского водохранилища на состояние памятников истории и культуры // Состояние и освоение

природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкологи природной среды и общества. Кызыл, 2010. Вып. 10, 11.

- Килуновская и др., 2015 — Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2015. № 5.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Невинский, А. А. Тишкин. Барнаул, 2007.
- Митько, 2006 — Митько О. А. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западный Саян) // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Семенов, Чугунов, 1987 — Семенов Вл. А., Чугунов К. В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. ТД. Кемерово, 1987. Ч. 2.
- Чугунов, 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб, 1994. № 8.
- Чугунов, 2002 — Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2002.
- Чугунов, 2009 — Чугунов К. В. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2009.

М. Е. Килуновская

Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы

За последнее десятилетие корпус памятников монгун-тайгинской культуры увеличился настолько, что можно вновь обратиться к проблеме классификации и типологии характерных для нее погребальных конструкций. Новые открытия показали, что для построения классификации памятников важно учитывать не только устройство погребальной камеры и позу погребенного, но и всего наземного сооружения, имеющего довольно сложную архитектуру. Нами выделено три типа (I–III) курганов с захоронениями в много-

слойных цистах и четвертый (тип IV) — с захоронениями в ящиках.

Тип I — циста окружена крепидой из вертикальных камней, уложенных в несколько слоев, образовывавших куполообразное сооружение, от которого идет выкладка-платформа, окруженная оградой. Курганы типа II имеют то же устройство, но более крупных размеров. Главное отличие их конструкции в том, что они окружены отстоящим на некотором расстоянии каменным кольцом, а циста перекрыта по принципу ложного

свода. Для курганов типа III характерны разрыв между кольцом и центральным сооружением, ложный свод над цистой и крепида из вертикальных камней, но появляется дополнительная опорная внутренняя стенка. Этот тип наиболее близок к курганам-херексурам, тем более что присутствуют и дорожки-лучи между кольцом и насыпью. Для всех трех типов характерна куполообразная форма наземного сооружения. В типе IV прослеживается цилиндрическая форма насыпи, окруженной стенкой из горизонтальных ря-

дов, но еще сохраняется крепида из вертикальных камней, которая укрепляет местами эту стенку. Здесь уже появляются захоронения в каменных ящиках, но еще обложенных камнями, как это делалось для цист. Эти памятники можно соотнести со временем кургана Аржан-1. Таким образом, все типы взаимосвязаны.

Проведенный анализ позволяет выстроить линию генезиса, соединяющую памятники позднего бронзового века и раннескифского времени.

М. Е. Kilunovskaya

New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva

During the last ten years, the corpus of sites of the Mongun-Tayga archaeological culture has increased so much that now it is time to return again to the problem of classification and typology of the burial structures characteristic of this culture.

New discoveries have demonstrated that in order to develop a classification of the sites it is important to take in consideration not only the construction of the funerary chamber and pose of the buried but also the entire surface structure of a fairly complicated architecture. We have distinguished three types of kurgans with burials in many-layered cists and a fourth one with burials in boxes.

The first type is that with the cist encircled with a crepis wall of vertical stone blocks installed in several layers. These formed a cupola-like structure to which a paved platform is attached encircled by a fence. Kurgans of the second type are similarly constructed but of a larger scale. Their construction is differing mainly in the fact that they are surrounded with a stone kerb constructed at some

distance while the cist itself is covered by a kind of corbel arch. Characteristic of kurgans of the third type are a gap between the kerb and the central structure, a corbel arch over the cist and a crepis constructed of upright stone blocks but now with an additional supporting inner wall. This type most resembles the keregsur kurgans, the more so that it has ray-like paths between the kerb and the mound. A cupola-like shape of the surface structure is typical for all these three types.

In kurgans of the fourth type, a cylindrical form of the mound is traceable. The latter is encircled with a wall of horizontal rows although a crepis constructed of upright stone blocks still is retained supporting this wall here and there. Burials in stone boxes already appeared here but they were still faced with stones as it was characteristic of cists. These sites seem to be dating from the Arzhan-I period. All of the types thus are interrelated.

The analysis presented allows us to draw up a line of genesis connecting sites of the late Bronze Age and early Scythian period.